

Умер Йост Баух – его тексты остались

Профессор доктор Йост Баух умер 2 декабря 2018 года. Консервативный социолог, родившийся в 1949 году, преподавал в Констанце.

Баух наряду с медицинскими трудами публиковал также политические книги. В австрийском издательстве «Арес Ферлаг» (Грац) вышла его книга «Упадок». Баух в ней исследовал положение Германии в глобализированном мире. Последним произведением Бауха было его опубликованное в издательстве «Копп Ферлаг» исследование «Прощание с Германией».

Йост Баух (1949-2018)

Ключевой текст Йоста Бауха появился уже в 12-м номере Sezession (2006). В нем он ставил вопрос: «Кто заставит плясать порядки?» По нынешнему актуальному поводу мы приводим эту статью без сокращений. Текст этот совсем не утратил своей жгучей актуальности.

КТО ЗАСТАВИТ ПЛЯСАТЬ ПОРЯДКИ?

Журнал Sezession, № 12, январь 2006 года

Сокращенный текст доклада, сделанного профессором Йостом Баухом 3 декабря 2005 года в Берлине на Десятом курсе лекций института государственной политики.

Марксист решил бы этот вопрос с легкостью: Так как ход истории детерминистским образом жестко predetermined в историческом материализме, то нужно просто отыскать в хрупком настоящем те социальные группы и классы, интересы которых совпадают с конечным состоянием предполагаемого исторического развития, и вот у нас уже есть революционный субъект, обладающий «объективным интересом» к изменению мира. Проблемой остается только «субъективный фактор»: субъективные, т.е. нерациональные интересы должны трансформироваться авангардом (марксистско-ленинской партией) в объективный интерес.

Консерватору в этом моменте приходится несравненно труднее. Так как консерватизм не располагает детерминистским пониманием истории, история остается открытой и случайной. В качестве свидетеля мы можем назвать Карла Шмитта, который, соглашаясь, так интерпретирует Доносо Кортеса: «Для него всемирная история – это только качающийся дрейф корабля, с командой пьяных матросов, которые горланят и танцуют, пока Бог не погружает корабль в море, чтобы снова воцарилось молчание». (Carl Schmitt: Donoso Cortes in gesamteuropäischer Interpretation. Vier Aufsätze, Köln, 1950).

Консервативные мыслители всегда противопоставляли левой исторической метафизике волюнтаризм и децизионизм. История не проходит линейно, она не predetermined материальными фигурациями производительных сил и производственных отношений или другими противоположностями, которые диалектически движутся к своему устранению, история сама по себе рискованна, и поэтому консерватизм осторожно на ощупь движется в будущее. Сначала преимущество принадлежит состояниям, таким, какими они есть. Так как мы не можем сначала знать, в каком направлении движется путешествие, для нас, консерваторов, несравненно тяжелее, чем для всех мифологов прогресса, определить субъект, который является носителем развития, даже если оно так сильно обращено в прошлое.

Собственно, вопрос о консервативном субъекте, который определяет форму будущего с точки зрения консерватизма, вообще нельзя ставить в рамках консервативной парадигмы, так как допущение какого-либо субъекта, который

каким-то образом оказывает влияние на будущее, уже нарушает основные аксиомы консервативного мышления. В вопросе о субъекте уже допускается возможность формирования и готовности к действию во взгляде на будущее. Принципы, которые нельзя так легко совместить с консервативным мышлением.

Но академический вопрос, является ли консерватизм, который становится социальным движением, еще консерватизмом, мы здесь не будем рассматривать далее. Скорее речь должна идти о конкретном с социологической точки зрения вопросе о том, существуют ли социальные группы, движения, партии, социальные слои, которые демонстрируют возрастающую близость к консерватизму и вместе с тем могут стать «социальным субстратом» долговременного консервативного изменения политики в Германии. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прояснить три вещи:

1. Что такое консерватизм в наше время? Каковы его основы, и какие определенные формы должен он принимать, чтобы стать социальным и политическим движением?

2. Куда направлено общественное развитие? Где на социоструктурном уровне находятся точки соприкосновения для консервативного изменения менталитета, по меньшей мере, частей населения?

3. Какая часть населения предопределена для такого изменения менталитета, какая общественная ситуация должна наступить, чтобы на политической сцене появился общественный субъект консервативного изменения политики?

Во-первых: на вопрос, что нужно, чтобы осуществить революцию, ответил Ленин: определяющая, руководящая идея, которая может овладеть массами, и организация, организация, организация! Позвольте сказать: с обоими этими компонентами дело в консервативном лагере обстоит неважно! Уже в семидесятые годы мюнхенский политолог Манфред Хеттих сформулировал: «Консервативное мышление и консервативное основное настроение, как правило, не в состоянии возбудить массы, так как они не приносят зажигательные и сенсационные идеи в социальную коммуникацию. Мобилизация в обществе, как правило, не происходит благодаря консерваторам. Сенсационным является не существующее и обычное, а новое и бунтарское». (Manfred Hättich: Individuum und Gesellschaft im Konservativismus, Hannover, 1971.)

Таким образом, нет также и собственно «консервативной теории». Существующее узаконивает себя своим существованием, тогда как сторонники прогресса нуждаются в теории, чтобы идея смогла стать реальностью. Если в сегодняшнее время отправиться на поиск консервативной теории, то вы повсюду найдете более или менее совместимые теоретические фрагменты, не развитые в понятийном отношении декларации ценностей, субъективно обоснованные

описания людей и общества. Только социологическая антропология Арнольда Гелена дает надежду, которая снова переживает определенное возрождение.

При всем том консервативная мобилизация масс возможна! Пассивный по своей природе консерватизм обновляется и мобилизует в обороне от революционных нововведений! Консерватизм реактивен, он всегда представляет собой ответное движение. Причина стимула приходит снаружи, и задача состоит в том, чтобы избежать вреда, разрушений. Так как консерватизм принципиально не хочет изменять порядки, он также не нуждается как в носителе себя самого в каком-либо социальном движении, которое непрерывно изменяет обстоятельства вплоть до изоморфии идеи и действительности. Консерватизм становится активным в реакции на такие движения. Консерватор «контрреволюционер» в буквальном смысле этого слова.

Я позволю себе и дальше сослаться на Хеттиха, когда я сформулирую четыре основных аксиомы, на которые опирается консервативное мировоззрение, все равно, какого оттенка в частности:

1. Человек не представляется исключительно как существо автономной рациональности. Человек в своей недостаточности и подавленности включен в сотворенный божественно или образовавшийся исторически, не непосредственно имеющийся в распоряжении порядок.
2. В истории нет тенденции к совершенствованию. В истории нет закона прогресса, история – это по существу ходьба на месте, и то, что сохранено в исторической традиции, уже вследствие этого имеет преимущество.
3. Из позитивного и позитивистского взгляда на историю следует почитание множественности и разнообразия всех жизненных проявлений. Консерватизм испытывает отвращение к унифицирующим тенденциям и планированию в общественной жизни.
4. Человек как «инстинктивно неуверенное несовершенное существо» (Арнольд Гелен) требует внешней поддержки своего поведения в форме стабильных порядков, институтов, условностей и обычаев. Без таких внешних организационных подпорок человек теряет культурную почву под ногами, он примитивизируется.

Хеттих выводит из этих основных аксиом этику консерватизма, которая состоит из порядка, соразмерности, естественного роста, дисциплинирования страстей. При этом полностью признается то, что в общественной и политической жизни существуют изменения и эволюции, однако они должны органически сами вырастать из имеющихся обстоятельств, развиваться естественным путем, а не ускоряться искусственными вмешательствами снаружи, интервенциями. Люди, охваченные эйфорией прогресса, верят в возможность обсуждаемости всех вопросов реальной жизни.

Со времен Просвещения господствует идея о том, что общественное сосуществование основывается на контракте, «общественном договоре». Прогрессивный человек возвышается до демиурга, когда он все институты, обычаи, традиции, условности подчиняет требованию вероятных возможностей: Все возможно, если только этого хотят обладающие большой общественной значимостью субъекты. И так мы со знаменитых 1968-х годов можем наблюдать гигантскую программу общественных преобразований, опустошительные воздействия которой мы сегодня чувствуем на всех уровнях.

Эта программа по преобразованию общественного порядка уже продвинулась очень далеко, что проявляется, по существу, в пяти ситуациях:

1. В разрушении нации и государства и в появлении мультикультурного общества.
2. В лишении семьи ее функций.
3. В открытии рынков без надлежащего учета национальных или региональных интересов с последствиями в форме деиндустриализации классических индустриальных стран.
4. В разрушении классических учебных и воспитательных учреждений с помощью «менеджмента личности» и «people processing» (приведения людей к единообразному поведению), которое хочет заменить готовность к образованию и достижению результатов семантикой самореализации и смущения.
5. В переоценке традиционных ценностей: Мораль и религия лишаются своих функций и оказываются в неограниченной доступности для искусственно «склепанной» «лоскутной» идентичности, которой способствует общество.

Я не говорю, что эти пять пунктов в их форме проявления именно так пункт за пунктом запланированы преобразователями общества и желанны им, я только говорю, что они (даже если и нежеланны) представляют собой результат их деятельности. Разумеется, изменения такого масштаба не осуществимы во всем обществе лишь одной общественной группой, какой бы значительной эта группа ни была. Но с маршем через институты эта программа из пяти пунктов стала в Германии – и как мы увидим, также в США – в значительной степени «государственной программой» и государственным заданием.

Американский ученый Пол Эдвард Готфрид в своей сенсационной книге «Мультикультурализм и политика вины» показал, как государство в последние десятилетия превратилось из закрепленного в принципах правового государства конституционного государства в «терапевтическое государство», как он его называет. (Paul Gottfried: Multikulturalismus und die Politik der Schuld. Unterwegs zum manipulativen Staat?, Graz, 2004.)

Исходный пункт терапевтического государства – это такой взгляд на общество, согласно которому общество считается виновным. Общество пронизано враждебными к прогрессу, нетерпимыми, затрудняющими сосуществование представлениями, взглядами и практическими действиями, которые происходят из «непреодоленного прошлого» и должны быть нейтрализованы и устранены с помощью терапевтического вмешательства государства. В Германии отправной пункт терапевтического вмешательства в жизнь общества ясен: Это непреодоленное прошлое национал-социализма и предполагаемая предрасположенность немцев к фашизму, которая требует продолжительной терапии со стороны государственных и околосударственных инстанций.

Теперь интересно, что этот хорошо известный нам образец мышления действует в другой содержательной направленности также в США. Белое (пока еще) большинство считается, по меньшей мере, латентно расистским, сексистским, гомофобским, полным предубеждений в отношении меньшинств, и оно нуждается в продолжительном терапевтическом вмешательстве, чтобы его можно было привести на путь одобрения открытого, мультикультурного, плюралистского, не дискриминирующего общества. Короче говоря, по меньшей мере латентно злое общество должно с помощью продолжительной государственной терапии трансформироваться в доброе общество.

Согласно Готфриду, посткоммунистические левые давно отказались от цели обобществления средств производства, чтобы полностью посвятить себя логике терапевтического государства. Не национализация тяжелой промышленности как требование традиционного социализма написана на их знаменах, а [политическая корректность](#) (political correctness) и характерное для «государства всеобщего благоденствия» продолжительное попечительство над социальными ущемленными.

Защита ценностей, Запад.

Рисунок французского художника Пьера Жубера (1910-2002)

Для консерватизма такие представления едва ли терпимы. И если мы хотим типизировать современный консерватизм по содержанию, то мы при всех больших содержательных различиях отдельных фракций – от религиозно до национально мотивированного консерватизма – находим в оценке этих пяти вышеназванных пунктов общественного изменения минимальный консенсус. Он состоит

1. в неприятии мультикультурной и мультиэтнической общественной концепции. В целом этот проект потерпел неудачу. Мультикультура как политика в области народонаселения в общей перспективе оказывается демографической, экономической, политической и культурной катастрофой для стран иммиграции. В этом все консерваторы единодушны. В вопросе реакции на этот вызов господствуют большие разногласия: Рекомендации простираются от крупномасштабных депортаций до более сильной интеграции;

2. в требовании абсолютно другой семейной политики. Семья (под этим понимаются: женщина, мужчина, ребенок) должна снова быть поставлена в центр общественной и социальной политики. Партии истеблишмента (вплоть до части ХДС) рассматривали семью как что-то вроде объединения специально для конкретной цели, из которого мужчину можно произвольно изгнать, в то время

как перспективы карьеры вне семьи привлекают женщину к тому, чтобы оставить семью, в то время как ребенка после рождения как можно скорее нужно сдать в детский сад, группы продленного дня и подобные учреждения. Против этой катастрофической политики снова требуется содействие гетеросексуальной, как сейчас едва ли решаются сказать, «нормальной семье», в которой материнство женщины представляет собой, по меньшей мере, функциональный эквивалент возможной карьеры.

3. Консервативный консенсус существует и в вопросе о том, что ради блага коренного населения с процессом глобализации нужно обращаться, по меньшей мере, хитро и стратегически. Глобализация не является законом природы и нельзя беззащитно отдавать эту землю прожорливой саранче. (Alfred Mechtersheimer: Handbuch deutsche Wirtschaft 2005/2006, Starnberg, 2005.)

4. Мы срочно нуждаемся в повороте в политике в области образования. Нужно окончательно отказаться от педагогики удовольствия и приключений. Нужно снова помочь утвердиться истине, что учение связано с усилиями, с трудом и стараниями. В этой связи также нужно рассеять туман PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), вызванный тем, что нас заставляют верить, будто бы бедственное положение немецкого образования можно было бы устранить большей педагогикой и большим социально-терапевтическим попечительством. Это было бы лишь еще больше того, что принесло нам это убожество. Нет, мы нуждаемся в другой политике в области образования, в другом содержании образования и в других педагогических программах, которые с помощью требований и содействия возлагают на молодых людей гораздо большую ответственность!

5. Необходимо срочно положить конец релятивизму ценностей. Из традиции западноевропейско-христианской культуры нужно вынести специфические соединения ценностей против любой формы релятивизма ценностей. В частности, молодые люди должны снова усиленно проходить основывающуюся на ценностях социализацию.

По отношению к этим пяти пунктам в консервативном лагере должно было существовать согласие. Но стоит лишь покинуть установленный здесь уровень абстракции, перейти к политической конкретности, как тут же окажется, что существуют значительные различия в представлениях о содержательном преобразовании.

Теперь я подхожу ко второму пункту моих рассуждений и хотел бы посвятить себя вопросу, какое общественное развитие нужно ожидать в будущем, и какие точки соприкосновения существуют для консервативного поворота. Вместе с Сэмюэлем Хантингтоном мы можем сначала констатировать, что западная цивилизация («культурный круг») самое позднее в девяностые годы миновала

свой зенит и все больше должна отдавать ведущую роль китайской («конфуцианской») цивилизации, центром которой является собственно государство Китай. Западная цивилизация находится в упадке.

Признаки «внутреннего гниения» хорошо видны Хантингтону: уменьшающийся рост экономики, падающие нормы сбережений и инвестиций, резкое падение рождаемости и старение населения, исчезающее значение христианства и разрушение морали, возрастание асоциального поведения (преступность, потребление наркотиков, готовность к насилию), разрушение семьи, упадок социальных обязательств, падение авторитета учреждений, культ вокруг индивидуалистической самореализации и гедонистического поведения, падение уровня образования и научных достижений.

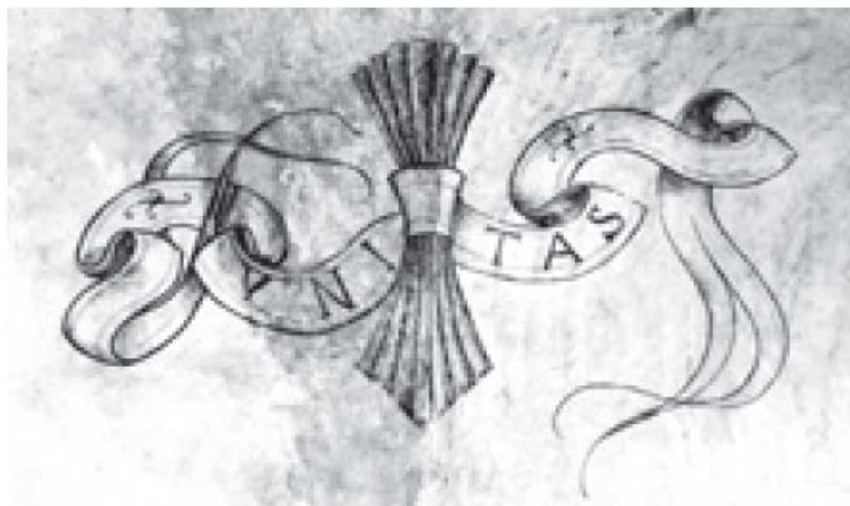
Интересно в этой связи, что современная социология в своем описании актуального общества совсем не акцентировала эти феномены упадка. Она застряла в социологическом описании общества, частью которого также является она сама, как бы в начале девяностых годов, когда эти проблемы начали концентрироваться, перерастая в кризис. Система понятий отражает и предметно обсуждает фенотипические изменения общества, не располагая при этом «датчиком», который интерпретирует формы проявления общественного развития также как упадок и инволюцию.

Так Герхард Шульце и далее бодро говорит об «обществе приключений», Ульрих Бек – об «обществе риска», так, как будто бы экологические проблемы еще действительно интересовали бы нас, Петер Гросс – об «обществе множества опций», Амитай Этциони – о «добром обществе», и так далее, и так далее. Другие социологи, как Пьер Бурдьё во Франции и Энтони Гидденс в Англии, ведут арьергардные бои против «неолиберального несчастья».

Такой понятийный потенциал при этом никак не пригоден для того, чтобы воспринимать разрушение и деградацию как движение вспять, т.е. как упадок, так как они интерпретируют эти феномены как переход к новой «высокой культуре». Однако то новое, которое приближается к нам, в представлении самой большей части современной социологии вовсе не равноценно. Только современная социологическая системная теория в традиции Никласа Лумана предлагает *frame of reference* (систему координат), которая может интерпретировать не только общественный прогресс, но и общественный упадок. Я здесь могу описать эту концепцию только очень приблизительно. (Niklas Luhmann: *Einführung in die Theorie der Gesellschaft*, Heidelberg, 2005.)

По сути, речь идет об описании принципа «функциональной дифференциации», которую можно характеризовать как разнообразное функциональное участие человека в социальной жизни: Я одновременно включен (таково понятие Лумана) в экономическую систему, в политическую систему, в правовую систему, и так далее. Но в условиях общественного упадка, по мнению Лумана,

дело доходит теперь до «исключительных связей»: Все больше людей теряют свое рабочее место и вместе с тем в среднесрочной и в долгосрочной перспективе лишаются возможности принимать общественные роли в других подсистемах. Общественная жизнь происходит тогда без исключенного лица. Исключенное лицо – это больше не общественный носитель символа и носитель значения, оно голое, и такой человек – только лишь существо с физическими потребностями и физическое тело (организм).

«Будьте едины, едины, едины». Сграффито из замка Буонконсильо (Castello del Buonconsiglio), Тренто, Италия, четырнадцатый век.

«Гарц IV», например, является последовательной реакцией на это развитие. **[Прим. ред. БВС: Гарц IV – это социальная помощь в Германии, которую выплачивают после окончания срока действия пособия по безработице. Гарц IV как правило существенно ниже пособия.]** Безработный «уменьшается», сводится до его телесных потребностей, в то время как он получает материальное пособие ровно в таком объеме, чтобы он мог выжить как физический организм, как тело. Его потребности в питании, проживании и в минимуме развлечений (телевидение) удовлетворяются, в остальном же он находится за пределами социального порядка. Збигнев Бжезинский называл эту форму минимального обеспечения «Tittytainment», буквально «развлечение с сиськами». (Бжезинский применил это выражение в 1995 году на совещании «Глобального мозгового треста» (Global Braintrust). Он имел в виду, что в будущем в связи с ростом производительности экономики ей понадобится все меньше работников, и поэтому все больше людей будут получать не зарплату, а социальную помощь. Чтобы эти люди не возмущались, их должны соответственно обрабатывать средства массовой информации, причем в форме самых примитивных развлечений. – прим. перев.) Исключенные таким образом люди могут достигать общественных воздействий только лишь как физические организмы.

Этот экскурс в общественную теорию был необходим, так как речь теперь пойдет о вопросе субъекта консервативного поворота. При этом выделяются по существу три целевых группы, у которых есть склонность к консерватизму:

Во-первых, это традиционные консерваторы из буржуазного лагеря (в понимании консерватизма как ответного, встречного движения), которые по горло сыты состояниями хаоса. Они больше не верят, что у «старых партий» хватит силы, чтобы возглавить противодействие такому хаосу, и они поддержали бы новое консервативное крыло или новую независимую партию. Здесь мы находим как бы консервативный потенциал «в системе», т.е. людей, которые прочно устроились в этой системе и хотят упорядоченных общественных порядков. Большинство этой клиентуры выбирает по традиции ХДС/ХСС, но оно не удовлетворено консервативным профилем этой партии.

Собственно, вторая группа также принадлежит к этим «старым консерваторам»: возрастающая армия безработных людей с высшим образованием, которые глубоко впитали в себя буржуазные ценности, но страдают – как говорит социолог – от «относительных лишений», так как они, пожалуй, несмотря на свое образование, не смогут достичь своей жизненной цели. В целом этот круг мог бы расти и представлять собой «естественную» клиентуру для консервативного поворота.

Третья целевая группа – это быстро растущая толпа социально исключенных людей. Сначала большинство их, естественно, будет ориентироваться налево или же повернется спиной к политической системе, перестав участвовать в выборах. Здесь при всем том имеется в наличии весьма большой потенциал для формирования консервативной политики, но только в том случае, если консерватизму удастся достаточно четко отмежеваться от политики «социального холода» неолиберализма и одновременно доказать, что причиной проблем социально исключенных людей является политика левых, которая, например, в результате осуществления неконтролируемой иммиграции расширила «промышленную резервную армию труда», как ее называет Маркс, и вызвала вместе с тем демпинг зарплат и безработицу.

Социальная компетенция консерватизма должна быть особо подчеркнута и не может быть отдана в руки левым. Для этого требуется преодолеть «негативное нестабильное положение» консерватизма. Существенные содержательные высказывания современного консерватизма – это «высказывания против», консерваторы единодушно выступают против мультикультурализма и глобализма. Но при этом у них отсутствуют как бы положительные собственные эквиваленты, противоположные примеры и описания своего представления об обществе, не хватает, как бы парадоксально это ни звучало, консервативной утопии.

Итак, как то, что мы понимаем под нацией, должно выглядеть в современных условиях? Как возможен в век глобализации разумный протекционизм? Какой вид должны иметь социальные системы обеспечения? С умным ответом на эти вопросы консерватизм создаст возможность установления связи с нуждами и проблемами людей, оттесненных на обочину общества, и сделает этих людей возможным субъектом изменения парадигм.

При этом большое значение имеет работа в пред-политическом пространстве. Доклады, журналы, семинары, кружки свободного общения, наблюдения за (партийно-)политическим полем, объединение, создание сети в буквальном смысле: организация и мобилизация многочисленных разочарованных, готовых к переменам людей – это настоящий шедевр, который необходимо создать. Драматургия обострения тогда сама подготовит почву.

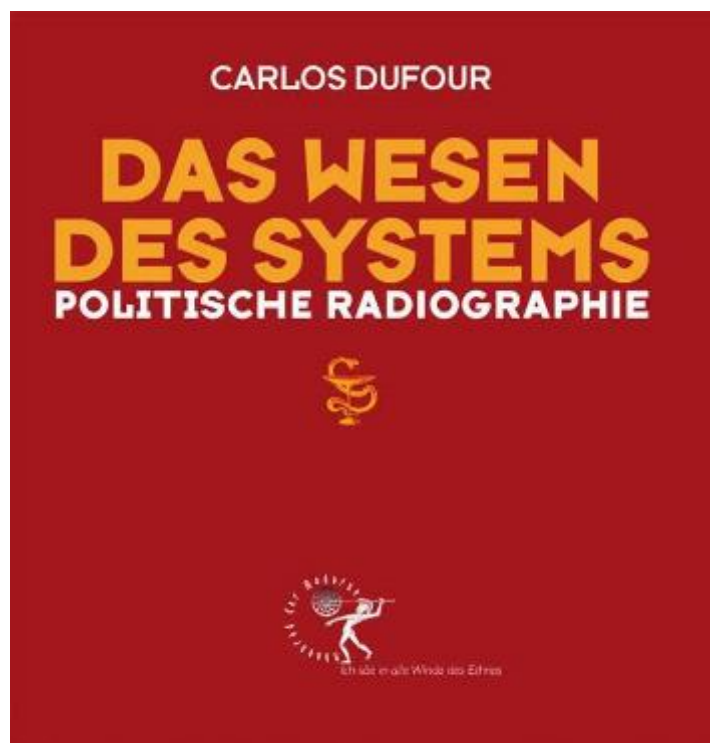
Карлос Дюфур

СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ

Это произведение Карлоса Дюфура было опубликовано в 2017 году. Оно должно было побудить «националистов» к размышлению. Многие из «тактик» ведения войны еще не понимаются или не осознаются «нами» – из-за незнания или невежества.

Книгу можно заказать по электронной почте Ahnenrad@t-online.de.

Здесь вы можете зайти на сайт издательства http://www.thule-seminar.org/inhalt_aktuell_0.

Многие громко говорят об «альтернативах системе». Среди этих самозванных преобразователей мира есть несколько псевдореформаторов, которые нацеливаются только на частичные компоненты системы, в то время как существенные ее сегменты должны, по их мнению, продолжить существовать. В отличие от них автор вскрывает сущность системы: Подобно рентгенографии он отмечает шесть ее основных признаков и подвергает их основательному анализу. Посредством этой схемы можно быстро и точно выяснить, в какой мере утверждаемая альтернатива, провозглашенная как совокупность идей или как программа партии, выдерживает политически-мировоззренческую проверку, т.е., идет ли речь о принципиальном контрпроекте к господствующей системе или же только о замаскированной реформе, которая, в конце концов, продолжает действовать в интересах сохранения системы.

* * * * *

КАРЛОС ДЮФУР
СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕНТГЕНОГРАФИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ANNENRAD DER MODERNE
БИБЛИОТЕКА THULE
2017

СИСТЕМНЫЙ ВОПРОС

Всякое изменение предполагает нечто постоянное в качестве его носителя. Правительства приходят и уходят, но то, что остается, называют системой. Что же такое эта система на самом деле, и из чего она состоит?

Система – это власть без видимых властителей, хитроумный, относительно анонимный механизм, в котором каждая отдельная шестеренка вносит свой вклад в функционирование целого. Из этого получаются одновременно стабильность и риск: маленькие политические изменения, выборы и смены правительства предсказуемы, а революции – вряд ли.

Некоторые компоненты системы – это учреждения и прочие регулирующие механизмы, и они уже довольно долго существуют независимо от мнений и взглядов, они представляют собой прочную инфраструктуру. Другие компоненты – это идеологическая надстройка, они образуются путем сплетения высказываний и убеждений, которые непосредственно требуют внутреннего согласия, одобрения. Инфраструктура и надстройка работают по-разному: рыночная экономика воздействует на какой-либо субъект, и не имеет значения, относится ли этот субъект к рыночной экономике критически или нет; но христианство не функционирует так хорошо, если субъект в него не верит.

В системе организационные (институциональные) и идеологические составные части переплетаются. Они обуславливают, являются предпосылками друг друга и взаимно дополняют себя, они связываются «цепью вероятности»: Если имеется один компонент как данность, то тем более вероятно будет так, что появится также другой компонент. Посторонним эти компоненты могут представляться как уродства, деформации, но привычка и уговоры придают им видимость чего-то само собой разумеющегося.

В системе все гармонирует, все сочетается друг с другом. Ее очевидная когерентность обеспечивает ей прочность и живучесть. Это качество может, все

же, означать и слабость, так как цепь вероятности проходит в обоих направлениях: потеря доверия к общественной отчетности или к экономической системе разрушает политические структуры демократии. Как и при согласии отклонение, неприятие одного компонента легко преобразовывается в отклонение другого компонента. В умирающей системе, в конечном счете, рушится все.

РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ
МЕДИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
ХРИСТИАНСТВО
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
НОРМАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Нравственное воспитание с помощью рассказов, примеров и воспоминаний – само по себе это нечто нормальное. Но эта возможность подавляет, если общественная жизнь проходит как литургический год. Тогда история становится обесценением современности.

Но разве не нужно признавать действительность? Признание действительности, такой, какая она есть, всегда является заповедью правдивости, но это упражнение резко переходит в софистику, если это признание понимается не только фактически, но одновременно нормативно.

Идеологическая функция моральной интерпретации современной истории открыта для всех, например, как однажды отметил Эрнст Юнгер, Первая мировая война упразднила династические государства в Европе, Вторая мировая война ликвидировала национальные государства. И? Из этого еще отнюдь не следует, что такой результат нужно принять и одобрить. Здесь примешивается и представление Гегеля о том, что история раскрывает абсолют во времени.

Если бы это не было столь роковым, можно было бы увидеть во всем этом деле какую-то юмористическую сторону. Произошло нечто уникальное в человеческой истории, кое-что, о чем не решились бы даже мечтать ни Афины, ни Спарта, ни Рим, ни Карфаген: народ был побежден в войне не врагом военным путем, а другом! Правильно ли вы это понимаете? Как однажды торжественно произнес некий теолог, поражения не было, а было освобождение. Вместе с тем мы покидаем историю в пользу теологии, вместе с ее догмами и инквизициями.

В Европе действуют все права человека, в том числе право на свободу слова и свободу печати, однако, было бы довольно неумно полагаться на это, если речь идет о слишком чувствительных темах. Хотя в уголовном праве и действует принцип «*nulla poena sine lege*», «нет наказания без закона», но умный

человек понимает разницу, в противном случае Нюрнбергский процесс не мог бы быть назван законным:

Проиграла ли Германия войну? Да, с этим не поспоришь. Была ли Германия злой и виновной в войне? Да, ни один «благоразумный» человек не захочет ставить это под сомнение.

Разумеется, при недвусмысленном принятии этих «фактов» ученые могут обсуждать правильную последовательность: Проиграла ли Германия, в принципе, из-за того, что была злой и виновной? Или же Германия, в принципе, зла и виновна, так как она проиграла войну?

У великого Гегеля неоднократно приводится уравнение разумного и действительного с выражением: «Что разумно, то действительно и что действительно, то разумно». Однако некоторые его ученики обсуждали то, какой член этого уравнения указывает причину. Является ли действительное действительным потому, что оно разумно, и наоборот?

Как бы то ни было: никто не должен был бы верить, что коррекция понимания истории безотлагательна. Последовательность личных убеждений не влияет на саму систему. Может быть так, что какой-нибудь человек в результате проверки общепринятой картины истории чувствует в себе воодушевление для последующей критики и поэтому считает, что вопрос истории является центральным. Однако это остается субъективным, и данный человек путает причину и следствие. Современная история – это последний компонент, который пересмотрят. Скорее каннибал перейдет в вегетарианство, чем в системе посягнут на современную историю. Тот, кто управляет настоящим, управляет историей.

ВЫВОД

Националисты иногда думают правильно, но, собственно, думают они не часто. Так они не осознают свое основное понятие, нацию, и шагают под неправильным флагом. Нации – это компромисс между возможной случайностью и необходимостью.

Если сформулировать более подробно, то они – счастливый или несчастный компромисс между необходимостью биологической природы и своенравной случайностью человеческой истории. Отечество как страна предков предполагает общее происхождение, где когда-то однажды совпали язык, народ и раса.

Некоторые зоны системы становятся хрупкими и противоречивыми. Возможно, теперь какое-то время чаще говорят о патриотизме, не понимая, однако, какой основной вопрос затрагивается, или какое направление нужно выбрать. Это

относится к переходу Рубикона, что значение поступка осознается лишь позже.

Вероятная альтернатива системе, которая в то же время действует как сохраняющая систему, мешает себе самой. Согласно рассмотренной в начале цепи вероятности, тот, кто связывает себя обязательствами с тем или иным системным компонентом, действует в интересах сохранения системы.

От политических группировок, которые возникли более или менее случайно, нельзя ожидать того, что они постигнут во всем этом основной вопрос. Да и почему они должны были бы его понять? У них есть ограниченная, конкретная цель; они хотят не изменять убеждения, а использовать уже имеющиеся; они должны учитывать компоненты системы, чтобы и дальше действовать в ней. Скептик считается с тем, что каждая попытка учесть только части проблемы, может закончиться так же, как тот бой с гидрой, где ей без толку отрубают головы, так как на смену отрубленным все время вырастают новые.

Пришла пора назвать, по крайней мере, систему и мыслить вне сферы ее владычества. Слишком многие хотят начинать уже с компромисса, прежде чем они решают, куда хотят идти. По меньшей мере в мышлении никто не должен связывать себя неосознанными уступками системе. В какой мере кто-то еще идет старыми путями и действует, как сохраняющий систему, можно увидеть по компонентам, которые он хотел бы сохранить.

Если, в конце концов, нужно взвесить оптимизм и пессимизм, то эти соображения относятся и к тому, и к другому:

Пессимизм в отношении реформ, оптимизм в отношении революционных преобразований.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2019 г.